
ИНТЕРЕСНЫЙ ДЕТЕКТИВ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

ДЕТЕКТИВЫ И. ЛЮБЕНКО

**МАСКАРАД СО СМЕРТЬЮ
КРОВЬ НА ПАЛУБЕ
ТАЙНА ПЕРСИДСКОГО ОБОЗА
УБИЙСТВО НА ВОДАХ
ЧЕРНАЯ МАГНОЛИЯ
ЛИК НАД ПРОПАСТЬЮ
РОКОВАЯ ПАРТИЯ
ТЕНЬ АЗРАИЛА**

.....

ДЕТЕКТИВЫ В. ПОЛОНСКОГО

**ЗАГАДКА ВЕРЫ ХОЛОДНОЙ
ГЛАВНАЯ РОЛЬ ВЕРЫ ХОЛОДНОЙ
ОПАСНАЯ ИГРА ВЕРЫ ХОЛОДНОЙ**

.....

ДЕТЕКТИВЫ А. ДОБРОВА

**УКРАДЕННЫЙ ГОЛОС. ГИЛЯРОВСКИЙ И ШАЛЯПИН
СМЕРТЕЛЬНЫЙ НОМЕР. ГИЛЯРОВСКИЙ И ДУРОВ
ПОСЛЕДНИЙ КРИК МОДЫ. ГИЛЯРОВСКИЙ И ЛАМАНОВА**

• АНДРЕЙ •

ДОБРОВ

ПОСЛЕДНИЙ
КРИК МОДЫ

ГИЛЯРОВСКИЙ И ЛАМАНОВА

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д55

Художественное оформление
Петра Петрова

Добров, Андрей Станиславович.

Д55   Последний крик моды. Гиляровский и Ламанова / Андрей Добров. – Москва : Издательство «Э», 2016. – 320 с. – (Интересный детектив. Ретро-оформление).

ISBN 978-5-699-85863-7

«Король репортеров» Владимир Гиляровский расследует странное самоубийство брата одной из работниц знаменитой «моделистки» начала 20-го века Надежды Петровны Ламановой. Опытный репортер, случайно попав на место трагедии, сразу понял, что самоубийство инсценировано. А позже выяснилось, что незадолго до смерти красивый юноша познакомился с неким господином, который оказался сутенером проституток мужского пола, и тот заманил юного поэта в общество мужчин, переодетых в черные полумаски и платья от Ламановой... Что произошло на той встрече – неизвестно. Но молодой человек вскоре погиб. А следы преступления привели Гиляровского чуть ли не на самый верх – к особам царской крови. Так какое же отношение ко всему этому имела сама Ламанова?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85863-7

© Добров А., текст, 2016
© Оформление. ООО
«Издательство «Э», 2016

• ВСТУПЛЕНИЕ •

Есть имена в русской истории несправедливо забытые. Например, имя Надежды Петровны Ламановой — одного из первых русских модельеров, конструкторов одежды, ставшей настоящей мировой знаменитостью. Вернее, становившейся. Если бы ее судьбу не перевернула революция, возможно, имя Ламановой стояло бы на одном уровне с такими именами, как Поль Пуарэ, Ив Сен-Лоран и Шанель. Работая над образом моей Ламановой, я старался найти как можно больше информации о ее жизни и, главное, работе Ламановой настоящей. Однако информация эта была скудна — хотя в модном бизнесе есть даже премия имени Ламановой, правда, подавляющее большинство людей о ней ничего не знают. И все же я буду очень рад, если, прочитав эту книгу, вы захотите узнать больше о Надежде Петровне Ламановой — ее судьбе и творчестве. А пока мне остается только предупредить: все персонажи этой книги являются вымышленными и никакого отношения к реально жившим людям не имеют. А теперь отправимся в мир московской высокой моды самого начала XX века вместе с Владимиром Алексеевичем Гиляровским и Надеждой Петровной Ламановой.

ПОСТАВЩИК ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА

— **Н**ет уж, Константин Сергеевич, вот Гиляровский пусть меня проводит. Извозчик ни к чему — пойду пешком. Тут не так и далеко — хоть свежим воздухом подышу.

Воздух был не то чтобы свежий, а прямо-таки холодный.

Станиславский весело прищурился и положил руку мне на локоть.

— А? — спросил он. — Все еще богатырь наш Гиляй, не правда ли, Надежда Петровна?

— Хоть куда, — улыбаясь, кивнула Ламанова. — С ним мне совсем не будет страшно.

— Темнеет теперь рано, — сказал я, поплотней натягивая папаху. — Впрочем, тут центр города, безопасно. Доведу, не беспокойтесь. Только раз уж вы меня даже в театр не пускаете, Константин Сергеевич, позвольте спросить — что же вы без Владимира Ивановича репетируете?

— Уехал Владимир Иванович в дальние дали. — Станиславский пожал плечами.

— Отчего?

— Устал. Бросил меня одного. А пьеса-то... Ой-ей-ей! А сам Чехов — уввы и ах!

— Что с ним?

— Собирается в Ниццу. Будет переписывать часть сцен.

— Плох мой Чехонте? — спросил я с тревогой — Антон Павлович в последнее время сильно сдал.

Станиславский только вздохнул.

— А пьеса? — спросил я.

— А пьеса... — Константин Сергеевич замялся. — Честно говоря, даже и не знаю. Иногда кажется даже, что и скучна. Но все-таки — это Чехов! Я утешаю себя только мыслью, что это не он скучен, а я глуп.

Ламанова покрепче прижала к пухлой груди свой ридикюль, в котором лежали десять тысяч, выданные Станиславским.

— Я вообще не понимаю, как это возможно! — с чувством сказала она. — Вы с ума сошли, Константин Сергеевич! Месяц назад — читка. Теперь — начало репетиций. А премьера — в конце января.

— Не успеете с костюмами? — озабоченно спросил Станиславский.

— За меня не беспокойтесь. Все мерки я сняла, хоть это, я вам скажу, та еще работенка — снимать мерки с артистов. Не могут спокойно постоять всего три часика. Некоторые даже грозились в обморок упасть! Но я за вас беспокоюсь. Какой короткий срок! Ведь еще и праздники надо вычесть — Рождество, Новый год. Месяц чистыми остается — не больше.

— Ну уж нет, — помотал головой Константин Сергеевич, блеснув стеклами своего большого

пенсне. — Никаких праздников. Какие могут быть праздники, Надежда Петровна? О чем вы?

— Да как она хоть называется-то, эта пьеса? — спросил я.

Станиславский повернулся ко мне:

— Я вам еще не говорил? «Три сестры» называется. Причем Антон Павлович уверяет меня, что это комедия. Хороша комедия! Сначала ничего не происходит, потом адюльтер и дуэль. Я взял роль, где хоть что-то можно сыграть.

— И кто ваш персонаж?

— Подполковник артиллерист, который от скуки влюбляет в себя учительницу гимназии.

— Фу, как скучно вы рассказываете! — возмутилась Ламанова.

— И заметьте! Все это растянуто на пять лет! Какие-то домашние интриги, пензенская скука, буря... нет — рябь в стакане воды. Казалось бы, такая пьеса просто обречена на провал, но я уверен, что зал будет набит битком, а критика просто разорвет нас на куски — одни от восхищения, а другие от ярости.

Я повернулся к Ламановой:

— А вас, значит, пригласили пошить костюмы?

— Да-да-да! — закивала Ламанова. — Только для того, чтобы Константин Сергеевич во всех афишах и программках написал мое имя.

— А разве вам от этого плохо? Вам от этого только хорошо! — живо воскликнул Станиславский, поднимая брововый воротник, чтобы защититься от резкого ноябрьского ветра,

дувшего вдоль Каретного ряда, где в те дни находился МХТ.

— Вы хотите, чтобы на вашу премьеру пришли мои клиентки — посмотреть, что я там еще сотворила. Не так ли? — спросила Ламанова Станиславского.

— А почему бы и нет? — парировал режиссер. — Придут они не сами, а со своими мужьями — сделаем хорошую кассу на буфете. Не так ли, Владимир Алексеевич? — подмигнул он мне. — Вася Качалов до сих пор вспоминает ту вашу совместную эпопею с Дальским.

Он вновь повернулся к Ламановой:

— Вы слышали эту историю, Надежда Петровна?

— Нет.

— Только не расспрашивайте Гиляровского. Спросите у самого Качалова. Качалов расскажет вамного лучше и, как мне кажется, правдивей, чем Владимир Алексеевич.

— Константин Сергеевич! — возмутился я.

— Все-все-все! Идите скорей, — заторопил нас Станиславский, — а то Надежда Петровна совсем продрогла. Да и не стоит на улице долго торчать с этим-то...

Он указал тонким пальцем на ридикюль Ламановой.

Тепло распрощавшись со Станиславским, мы с Надеждой Петровной пошли в сторону Большой Дмитровки, где Ламанова держала свое ателье.

— И на кого будете шить, Надежда Петровна? — спросил я. — Книппер играет?

— Книппер, Савицкая, Лилина — это, кажется, главные героини, — ответила она. — Но все так быстро — давай-давай, время поджигает!

— Вы только женские платья будете шить?

— Нет! Представляете, Константин Сергеевич доверил мне полный гардероб! Буду шить и на Мейерхольда, и на Громова. На всех. И даже втро-ростепенные обшивать буду.

— Зачем вам такая морока? У вас, наверное, и своих заказов хватает.

Ламанова резко остановилась.

— Вы что, Владимир Алексеевич! Да это мечта, а не заказ!

— Хорошо платят? — спросил я, кивнув на ридикюль.

— Не в этом дело!

Она снова пошла вперед.

— А в чем?

— Вы, Владимир Алексеевич, представляете, кто мои клиентки?

— Да почитай вся Москва.

— А что это за «вся Москва»? Нет, я не хочу ничего обидного сказать про этих дам, но ведь с ними положительно не о чем поговорить, кроме как о французских тканях, французских модах и французском крое. Да еще они пытаются вечно втянуть тебя в какое-то болото своей личной жизни. Но хуже всего знаете что?

— Что?

— Они думают, что пришли к портнихе.

Слово «портниха» Ламанова выделила с презрением, выпятив нижнюю губку.

— «Только пообещайте мне, Надежда Петровна, что лично будете шить это платье!» И очень недоумевают, когда я им говорю, что шить лично не буду, потому как совершенно это не умею.

— Вы не умеете шить?

Надежда Петровна весело засмеялась.

— Конечно, умею! И шить, и кроить, и все-все-все. Но не буду! Не буду! Я не портниха, я — моделистка! Никак не могу вдолбить в эти женские головы, что моделистка и портниха — это не одно и то же! Мое дело — творить, придумывать, руководить процессом, а вовсе не сидеть за «Зингером», обметывая петли.

Я кивнул.

Через минуту Ламанова снова остановилась.

— А какие иногда странные клиентки ко мне ходят, Владимир Алексеевич! Хотите расскажу?

— Конечно.

— Иногда и не поймешь — откуда они берутся, кто они такие. Вроде приходит с виду обыкновенная горничная или гувернантка. Но такой гардероб заказывает — прямо как принцесса Габсбургская.

— И платят?

— В том-то и дело! Наши дамы, особенно из дворянок, как привыкли? «Сшей мне сейчас, а расплачусь потом, как мужу деньги придут». И тянут — порой и по полгода. Отказаться нель-

зя — обидишь такую мадам, так она потом начнет про тебя всякие гадости рассказывать, клиентов распугивать.

— А эти, которые горничные, они платят?

— Сразу! Вперед! Иначе я бы и не бралась. Вот летом пришла одна. Мы ей сшили прелестное вечернее платье. Я как бы между делом спрашиваю — к балу готовитесь? А она молчит, как в рот воды набрала. Только кивает.

— Странно, — заметил я.

— Больше того! Три дня назад я ее заметила неподалеку — на Страстном бульваре — с детской коляской! Катит коляску, одета как бонна, а рядом — солдатик идет, любезничает. Не офицер, а простой солдатик. Вот откуда у нее были деньги на платье, а? Солдатик дал?

Я пожал плечами.

— Пойдемте дальше, Надежда Петровна, а то мы тут торчим на виду у всех.

Ламанова прибавила шаг.

— Давайте, — предложил я, — мне ваш риди-кюль. Он, наверное, теперь тяжеленький?

— Нет, — улыбнулась Ламанова, — я об него греюсь.

Мы повернули на Петровку и пошли через бульвар, по направлению к Страстному.

— Мне это не нравится, — сказала она наконец. — Все это пахнет скандалом. А ведь не первая такая простушка шьет у меня нечто дорогое.

— Не первая?

— Третья или четвертая.

— Да, странно...

— Я понимаю, когда приезжает какая-нибудь купчиха из Саратова или Нижнего. Тянется к моде, хочет в своем городе быть первой модницей. Это понятно. Ни манер, ни приличного образования — только мужнин капитал, составленный на торговле селедкой или дратвой. Или чем они там торгуют. С ними мучаешься, но они хотя бы понятны. А вот такие... Появляются из ниоткуда и в никуда исчезают! Что это за женщины? Откуда у них деньги? Я ведь беру много, Владимир Алексеевич. Мне мало брать нельзя — надо держать марку!

Минут через десять мы дошли до Дмитровки. Здесь, на углу, под номером 23, стояло четырехэтажное здание доходного дома Адельгейма — зубного врача, прославившегося в литературных кругах тем, что как-то заменил коронку самому Достоевскому, приехавшему в Москву по делам. Кстати, оба его сына стали неплохими актерами. Весь первый этаж здания и был арендован Ламановой под собственный модный дом. В высоких окнах стояло всего два безголовых манекена, одетые один в бальное голубое платье, а второй в прогулочный костюм из шотландки. Над дверями с причудливыми изогнутыми стеклами с латунными ободками была помещена большая вывеска: «Модный дом Н.П. Ламановой». И чуть ниже: «Поставщик Ея Императорского Величества» — с непременно двуглавым орлом.

— Ну вот, — с мягкой улыбкой сказала Надежда Петровна, — большое вам спасибо, Владимир Алексеевич, что проводили. Не хотите зайти согреться? Я вас чаем напою у себя в кабинете.

Я посмотрел вверх на окна.

— Темно уже, а свет ни в одном окне не горит. Где же жильцы?

— Съехали. Новый домовладелец собирается тут все перестраивать.

— А вы?

— Нас тоже попросили. Приходил от него управляющий — да только я выговорила себе еще полгода сроку.

— А потом куда?

— Никому не скажете?

— Нет, — улыбнулся я.

Ламанова сделала знак рукой, чтобы я нагнулся к ней. Надежда Петровна была маленького роста, пухленькая и очень милая. Нагибаться к таким — сущее удовольствие.

— Я строю собственный дом, — шепнула она мне.

— Где же?

— На Тверском бульваре. Только никому ни слова. Поклянитесь!

— Клянусь. Это не у Никитских ли ворот?

Ламанова укоризненно наморщила носик.

— Ну! Это же секрет!

— Хорош секрет, — заметил я, — когда уже и стройка идет, и архитектором не кто-то, а Лазарев. Вот что творит Елисеев на Тверской — это да, секрет. А ваш...

— Ну и ладно! — засмеялась Ламанова. — Мне нужно еще немного времени, чтобы достроить и переехать. А тут уж больно место хорошее. Да и известное моим клиенткам.

Мне показалось какое-то шевеление между манекенами. Мелькнуло несколько встревоженных лиц. Потом дверь отворилась и прямо на улицу, под свет фонаря выскочила взволнованная молодая девушка.

— Надежда Петровна! Надежда Петровна! Идите скорее!

— Оля? — удивленно спросила Ламанова. — Ты чего на холод выскочила? Простудиться хочешь?

— Надежда Петровна!

Ламанова стремительно подошла к ней и выслушала то, что девушка тихо прошептала ей на ухо. Потом растерянно повернулась ко мне.

— Это Бог знает что! Владимир Алексеевич, не пройдете ли внутрь?

— Что случилось?

— Не хочу говорить на улице.

— Хорошо, пойдёмте.

Мы вошли в дверь. За нами юркнула и девушка.

— Вот, — указала она в угол просторного зала, где в кресле, расстегнув шинель и сняв шапку, сидел полицейский пристав. При виде Ламановой он встал и коротко поклонился.

— Здравствуйте! — ответила та. — Если вы пришли пошить себе мундир, то, увы, мы этим не занимаемся.